М.А. Маслин

Судьба русского зарубежья в XX–XXI веках

В контексте темы я обращусь к двум событиям – «русской весне» 2014 года и столетию начала Первой мировой войны. Именно в результате великой войны возникло то, что принято называть русским зарубежьем. Нередко используются взаимосвязанные понятия – «послеоктябрьское зарубежье» и «белая эмиграция». Они относятся лишь к некоторым сегментам мира русского зарубежья и по своему происхождению являются понятиями идеологическими.

Вспоминаю спецхран в тогдашней Ленинской библиотеке. Каталожный ящик «Белая эмиграция», где карточки сочинений Бердяева, Франка, Федотова, которые никогда белыми эмигрантами не являлись. Напомню стихотворение Маяковского с характерным названием «Сволочи!», в котором отразилась советская ненависть к белой эмиграции.

Берлин.
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им.
По Берлину,
закручивая усики,
ходят,
хвастаются:
– Патриот!
Русский! –

Будьте прокляты!
Вечное «вон!» им!
Всех отвращая иудьим видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами Вечным жидом!
Леса российские,
соберитесь все!
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался, синий.

Позиция и тональность Маяковского, конечно, далеко не всеми разделялись. Возьмем слова Марины Цветаевой: «Родина не есть условность террито-

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mmaslin@yandex.ru

рии, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, тот потеряет ее лишь вместе с жизнью». И подтверждающее это четверостишие:

Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?».

С другой стороны – принципиальное дистанцирование от всего советского. Широко известна переписка двух Иванов, Шмелева и Ильина. Шмелев пишет: Иван Александрович, вот в советской-то России какие-то новые явления, комсомольцы, может быть, что-то об этом написать? Ильин отвечает: если вы и дальше будете писать мне в таком советофильском духе, я всякую переписку с вами прекращу. Запомните раз и навсегда: вся культура России нереволюционна и дореволюционна. В этом смысле то, что происходит в СССР, это вовсе не русская культура.

Вот замечательные стихи Вячеслава Иванова, позиция та же, что и у Ильина, хотя не такая резкая:

Густой, пахучий вешний клей
Московских смольных тополей
Я обоняю в снах разлуки
И слышу ласковые звуки
Давно умолкших окрест слов,
Старинный звон колоколов…
Но на родное пепелище
Любить и плакать не приду:
Могил я милых не найду
На перепаханном кладбище.

А вот издевательское размышление Саши Черного по поводу понятия «эмигрант», которое само по себе не означает отбор лучших людей. Впрочем, еще более примитивным, по его мнению, является советское противопоставление хорошего советского человека, возникшего в результате «завоеваний революции», плохому эмигранту:

В двадцать третьем году, весной
В берлинской пивной
Сошлись русские эмигранты:
«Наемники Антанты»,
«Мелкобуржуазные предатели»
И «социал-соглашатели»…
Тема беседы была бескрайна,
Как теософическая тайна:
Что такое эмиграция?
Особая ли нация?
Отбор ли лучших людей?
Или каждый эмигрант злодей?

И заканчивается следующими строками:

Что касается «завоеваний революции»,
О которых невнятно бормочут иные Конфуции,

То скажу, как один пожилой еврей,
(Что, пожалуй, всего мудрей):
Революция очень хорошая штука, –
Почему бы и нет?
Но первые семьдесят лет –
Не жизнь, а сплошная мука.

Дальше я цитирую Максимилиана Волошина, позиция которого была не советской и не эмигрантской, а русской, патриотической:

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Полагаю, что именно в этом контексте – поскольку великая война породила русское зарубежье – их следует оценивать с позиции России. Как говорил Федор Михайлович Достоевский, «не впадая в общечеловеческое». Это значит, что определение той войны как империалистической со стороны России абсурдно. Разве сербский монарх Александр Карагеоргиевич подразумевал такое определение, когда возводил на русском кладбище в Белграде величественный монумент, где начертано: «Посвящение двум миллионам русских, погибших за Сербию»? Никаких своих империалистических претензий Российская империя, как известно, в ходе войны не удовлетворила, можно сказать, даже не предъявила. Пораженческий выход из войны означал лишь потерю значительной части территории и образование государства, ранее не значившегося на географической карте, которое получило название Украина. И потому 1918 год, а не 1917-й и не 1922-й, является годом начала русского зарубежья. Как показал вполне консервативный автор, русский эмигрант второй волны Николай Иванович Ульянов, автор фундаментального исследования «Происхождение украинского сепаратизма», опубликованного на Западе в 1966 году и переизданного в России в 1996-м, проект государства Украина был антироссийской акцией военного времени, плодом разработки германского и австро-венгерского генеральных штабов. Цитирую Николая Ивановича Ульянова: «Из всех ненавистников России и русского народа галицийские панукраинцы заслужили в настоящее время пальму первенства. Нет той брани, грязи и клеветы, которую они постеснялись бы бросить по адресу России и русских. Они точно задались целью все скверное, что было сказано во все времена о России ее врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат.

Один из авторов этого проекта, Грушевский, чье имя носит центральная улица Киева, где разворачивался Майдан, в советской Украине был обласкан властью, стал академиком и одним из авторитетов, родоначальников сепаратистской идеологии украинизма. Именно Грушевский разрабатывал на территории Австрии идеологию «Великой Украины», будущность которой – в ориентации на Запад, а не на Россию. Цитирую: «Украина XIX века была оторвана от Запада, от Европы и обращена лицом на север, ткнута в глухой угол великороссийской культуры и жизни. Поэтому Украина должна связать свою будущность с Германией, Англией и особенно с США. Дружественные отношения с Германией обещают нам, – писал Грушевский, имея в виду опыт правления Центральной Рады, которая, как известно, просуществовала лишь до апреля 1918 года, – что двери ее фабрик, лабораторий, исследовательских станций, специальных школ будут открыты для нашей молодежи и всякого рода специалистов». Это, так сказать, прообраз будущего соглашения Украины с ЕС.

Пример из другой эпохи. 1964 год, Всемирный социологический конгресс в Вашингтоне. Насколько я знаю, это первое зафиксированная в истории встре-

ча советской делегации с Питиримом Александровичем Сорокином, всемирно известным русско-американским, как тогда писали, а сейчас лучше сказать просто – русским ученым, одним из основателей современной теоретической социологии и социологической школы в Гарварде. Мой покойный отец был в составе той группы философов. Сорокин их принимал в своем доме, очень сердечно, по-русски. Единственную просьбу, которую он просил передать советскому руководству, – чтобы его пригласили в 1967 году на 50-летие Октябрьской революции в Москву. Просьба была передана. Сейчас в живых остался лишь один свидетель той встречи, столетний академик Теодор Ильич Ойзерман. Направили письмо в Отдел науки ЦК, где решались такие вопросы. Ответ был отрицательный.

В Киев же на празднование этой даты для поддержки того, что в советское время называлось национальной по форме и социалистической по содержанию украинской культурой, приехали эмигранты из разных зарубежных городов и весей. Вот такая советская политика двойных стандартов. Она стала одной из предпосылок формирования позднейшего украинизма с выраженной на лице агрессивной русофобией. Как она формировалась, почему замалчивалась в России и вдруг прогремела как гром среди ясного неба – тема для отдельного разговора, сейчас не об этом речь.

Русское зарубежье всегда было нацелено на выполнение исторической миссии, сформулированной еще Дмитрием Сергеевичем Мережковским: «Мы не в изгнании, мы в послании». Самым впечатляющим посланием русского зарубежья последнего времени стало воссоединение Крыма с Россией. Оно вызвало большой патриотический подъем. Тот редкий случай, когда, если использовать слова Достоевского (сказано по поводу реформы 1861 года), «вся Россия взликовала и готовилась вся возродиться». Впрочем, ликование было отнюдь не всеобщим. Другой реакцией на усиление России и русского мира стал невиданный ранее приступ внешней и внутренней русофобии. Внутренняя – более опасна, как считал и изобретатель этого термина Федор Иванович Тютчев в 40-х годах XIX века, «когда все богомерзкие языки на Западе сплотились единой ненавистью к России, суля и пророча ей плен и посрамление». Почему это происходит? По Тютчеву, Россия нисколько не противостоит Западу, а является его законной сестрой, «правда, живущей своей собственной органической самобытной жизнью». Однако в реальной действительности получается так, что всякое заявление со стороны России о своих национальных интересах «уже считается Западной Европою чем-то вроде вызова и заключает в себе как бы зародыш враждебной нам коалиции». Имя этой враждебной коалиции – русофобия. Почему внутренняя русофобия опаснее внешней?

Потому что от своих внешних врагов Россия так или иначе отбивалась. Предсмертная статья Сорокина (он умер в 1968 году), которую я тщательно перевел, начинается комплиментарно по отношению к Советскому Союзу. Вообще вся статья комплиментарная. Советский Союз, по-прежнему руководимый русской нацией, достиг необычайных успехов во всех областях жизни: в экономике, культуре, науке… Вот чем он хотел привлечь внимание нашего руководства, которое ко всему этому относилось с двойными стандартами. Если дали бы слово Сорокину в нашей русской, советской прессе, напечатали бы эту статью, эффект был бы на весь мир.

Внутренняя русофобия, по Тютчеву, опаснее, поскольку с внутренними врагами бороться сложнее. И русофобия – это не просто неприязнь к России, большое всегда не любят. Америку тоже всегда не любили и не любят, потому что она большая. Но это не просто неприязнь к большому, это политика, направленная на вытеснение России из Европы, вытеснение если не силой оружия, то силой презрения, а теперь и всякого рода карательными санкциями. Ответ Тютчева таков:

«Не признавать самостоятельного исторического значения России, представляющей собой целый мир, также невозможно, как и вернуться в доколумбовую эпоху», то есть не признавать открытия Америки, когда она уже открыта.

Что же дальше? Какова судьба и миссия русского зарубежья после присоединения Крыма? Еще Герцен говорил, что «для русских за границей есть еще другое дело. Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает наше правительство, наш фасад и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь как-то не идет гордиться и величаво завертываться (ей – то есть Европе) в мантию пренебрегающего незнания, Европе не к лицу намеренное игнорирование России». И вот, если использовать слова Герцена, обстоятельства для знакомства Европы с Россией превосходные, я бы сказал, что сейчас еще более превосходные, чем в XIX веке.

Исполняет ли миссию такого ознакомления нынешнее русское зарубежье? Есть ли у него вообще какая-либо миссия, какое-либо послание миру о России? Конечно, я ставлю эти вопросы, не имея в виду последние новорусские разновидности русского зарубежья с криминальным оттенком – Березовского, Гусинского, Невзлина, Ходорковского и прочих. Речь о другом. По некоторым данным, количество покинувших Россию на западное ПМЖ эмигрантов новейшего времени, в основном дипломированных, квалифицированных специалистов, составляет от полутора до двух миллионов человек. Эти данные нигде не зафиксированы, могу сослаться только на устный доклад Виктора Антоновича Садовничего на одном из заседаний ученого совета Московского университета. Это число сопоставимо с численностью эмиграции первой волн. Конечно, нынешних искателей мест эмигрантами называть не вполне корректно. Многие из них натурализовались на Западе, периодически появляются в России, в том числе в качестве получателей так называемых мегагрантов. Но в чем их роль по ознакомлению Европы и Америки с Россией? Какое послание миру о России они могут нести? Думается, что эта последняя волна эмиграции едва ли идентифицирует себя с Россией и не нацелена на отстаивание ее национальных интересов. За рубежом этим довольно вяло занимаются наши официальные государственные структуры – Россотрудничество. К сожалению, русские за границей не рвутся к власти, не образуют политические объединения для лоббирования русских интересов – такие, например, как у украинцев в Канаде и в США. Потому от русских там трудно ожидать какого-то послания миру о России. Кроме того, за рубежом, главным образом на Западе, получают образование дети многих российских начальников, чьи, если использовать социологический термин, референтные группы теперь отнюдь не в России. Большинству из них уготованы места в госкорпорациях и госструктурах. И можно быть уверенными, они составят костяк следующего поколения российской элиты. Что у них русского за душой? Какое послание миру о России они понесут, составив впоследствии российскую власть?

Реплика. Наверное, необходима градация между теми, кто уехал в 1990-х, и теми, кто уже сейчас. Это не один круг людей. В 1990-х люди уезжали от невостребованности здесь. Рушились профессии, исчезала наука, целые отрасли науки.

М.А. Маслин. Каждый человек сам себе является вселенной, и мотивы у каждого могут быть разные. Приведу такой пример. Профессор химического факультета Леонид Александрович Асланов одно время был замом по идеологии парткома МГУ. Он мне рассказывал, что в Московском университете работала секретная группа химиков. Тема, над которой они работали, – решение проблем питания в условиях ядерного взрыва. И были разработаны всякого рода рецепты и технологии изготовления питательных веществ, не только доступных, но и полезных. Впоследствии весь состав этой лаборатории переехал в Америку.
Если Василий Викторович [Ванчугов. – *Ред.*] помнит, в Дубне была традиционная конференция «Философия, религия, наука», организуемая Якунинским фондом. В Объединенном институте ядерных исследований теперь работают в основном старики, молодежь уехала за границу. Конечно, они едут не только за куском хлеба, но и в надежде на профессиональную реализацию. Но ведь иные из наших бывших сограждан работают в таких организациях, как Ливерморская лаборатория, куют оружие против России.
А экономическая эмиграция существовала всегда. Скажем, нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников работал у Пастера, потому что в России его не могли обеспечить соответствующими условиями. Но когда мы говорим о мире русского зарубежья, кроме экономического не следует забывать и о культурном измерении. И здесь в негативном плане сказывается то, что Достоевский называл всемирной отзывчивостью – «широк русский человек, я бы сузил». Всемирная отзывчивость заключается в том, что русский во втором поколении в Германии может быть уже и не русский. А немец во втором поколении в России еще немец.

А.В. Черняев. Михаил Александрович, у меня небольшая ремарка по поводу Питирима Сорокина. Я слышал в Институте философии от наших патриархов такую версию, почему его не пустили. Вроде сначала хотели положительно отреагировать – пустить его в Союз, но потом вспомнили, что он был в составе пассажиров «Философского парохода» и там якобы было распоряжение Ленина, согласно которому они давали расписку, что их в случае возвращения расстреливать.

М.А. Маслин. Центральным архивом ФСБ опубликован самый полный и обстоятельный свод материалов «Высылка вместо расстрела». Там нет ни одного документа, который подтверждал бы этот апокриф. Вот Пешехонов вернулся, никто его не расстрелял.
У меня есть спецкурс по философии русского зарубежья. Никто, кроме Ильина, открыто не выражал свое несогласие со всем, что делается при советской власти. Ни Бердяев, ни Франк, ни Карсавин. Наоборот, выражали желание сотрудничать с советской властью.

И.С. Кусов. Как вы оцениваете роль современных средств коммуникации, новых медиа в целом в формировании этого образа? Потому что примеры приводились: распространение информации и русской мысли в зарубежье – эмигранты влияют на это всё. Но на самом деле один ролик на «Ютуб», собравший там десять миллионов просмотров во всем мире. Он может существенным образом повлиять на общественное мнение как в положительном, так и в отрицательном плане для России. Как сейчас с этими информационными вызовами трансформируется распространение информации.

М.А. Маслин. Я не журналист, не блогер и специально не изучал количественные моменты – кто, как и что. Могу сказать только, что интерес к России во всем мире неуклонно растет. Но, к сожалению, то, что мы называем русским зарубежьем, в этом практически не участвует.
А формируются новые мировые центры русских исследований, например, в Китае. Я туда еду в октябре читать курс лекций «Русская идея. Основные вехи русской интеллектуальной истории». В Китае сейчас идет поиск национальной идеи. Если вы зайдете на сайт посольства КНР в Москве, то увидите интересный материал, который называется «Китайская мечта». Там на русском языке очень внятно говорится, в чем она заключается. У меня был ученик, Юрий по-русски, зовут Лю Цзоюань, который напи-

сал диссертацию «Философема русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева». Тематика эта явно заказная. Другая моя китайская ученица, Ли Хайянь, писала диссертацию по Данилевскому: «Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае». И в Китае защищаются диссертации о России, о русской философии. Есть такой Сюй Фэнлинь, который даже православный. У него целый ряд работ о Соловьеве, в том числе монографии, изданные, правда, не в Пекине, а в Тайбэе.

Так что интерес растет, и плохо, что наше зарубежье в этом слабо участвует.

Мой китайский друг, Чжан Байчунь, на вопрос, зачем он, окончивший Ленинградский университет по философским проблемам естествознания, вдруг переключился на русскую философию, ответил: «Такой социальный заказ. Мы изучаем Россию, чтобы понять Запад».

С.Н. Киселев. Мне кажется, что не вполне корректно говорить о русском зарубежье первой волны эмиграции и сейчас. Есть широко известная в узких кругах книжка «Русская наука в Америке» 1940 года издания, Нью-Йорк. Там много всего не просто о русских по национальности, которые совершили те или иные открытия или проявили себя в той или иной области исследований, там говорится о русских профессиональных союзах, отраслевых в тех или иных областях наук. Если мы вспомним, сколько было создано политических союзов, политических движений в Европе, в Америке, на Дальнем Востоке. И те, кто сегодня уезжает с постсоветской территории, у них могут быть сходные мотивы, но ситуация отличается кардинальным образом. Они могут вернуться.

А для тех людей всё было отрезано и закрыто.

Питирим Сорокин – это величина. Но, допустим, спокойно приезжал в Крым в советское время Давид Бурлюк. Сидел в Гурзуфе месяц, рисовал, с людьми общался. Я очень много встречал потомков эмигрантов. Причем в советское время это были одни люди, а на Украину приезжали уже другие – например, сын секретаря Врангеля Котляревский. Он – бывший офицер СС. Мы ездили на Перекопы, и он говорил, что «Перекопы – это святая для каждого русского эмигранта земля. Мы с этим именем выросли, мы им воспитаны».

Вы говорите, что от зарубежья мало толку. А мне кажется, что и не может быть ничего. То есть уезжали люди с явно выраженной русской идентичностью, люди, выброшенные из России в силу различных социальных причин. А сейчас это люди, которые либо пользуются возможностью свободного перемещения по миру, либо они не имеют какой-то идентичности, ничего не могут создать. Государство здесь должно играть направляющую роль – формулировать цели и задействовать технологии. Мне кажется, что Россия еще не дозрела для того, чтобы ставить перед соплеменниками такие задачи в зарубежье. Думаю, она дозреет.

М.А. Маслин. Идея всегда есть. Она называется «Великая русская культура». Это центростремительный, даже магический фактор притяжения.

А.Ю. Минаков. У меня не вопрос, а реплика или предложение. Есть тезис, согласно которому русские – государственный народ, который не может существовать вне государства. Русский, лишенный панциря государства, ассимилируется во втором или в третьем поколении, растворяется в иноязычном и инокультурном море. Первая русская эмиграция использовались спецслужбами Советского Союза благодаря только одному обстоятельству – горячему патриотизму эмигрантов первой волны. На их патриотизме играли. Этот фактор не работал и не будет работать по отношению к третьей волне и, тем более, по отношению к нынешним эмигрантам. Поэтому сама постановка вопроса об их использовании представляется мне неконструктивной. Тем не менее вопрос можно поставить по-другому. Возникло новое русское зарубежье, русские оказались крупнейшим разделенным народом. Если не ошибаюсь, около тридцати миллионов в результате распада Советского Союза русских и русскоязычных оказались за пределами Российской Федерации. Сейчас декларируется концепция русского мира, собирания русского мира. С этими тридцатью миллионами государству необходимо работать. Мы видим, как работали на Украине, мы слышали рассказы о том, как работали здесь в Крыму наши официальные службы. Нужно работать так, как работают китайцы, как работают, предположим, американцы. Это огромная система фондов, средств массовой информации, общественные движения и так далее.